

Галина Семькина

«Обращаюсь к январской катастрофе 1837 года...»

Отклик одесситов на смерть А.С. Пушкина

27 января 1837 года* состоялась дуэль между Александром Сергеевичем Пушкиным и французским подданным Ж. Дантесом. Пушкин был смертельно ранен. Эхо выстрела на Черной речке больно отозвалось в сердцах мыслящих людей.

В начале февраля известие о смерти Пушкина пришло в Одессу. Об этом событии сохранились воспоминания одесского журналиста Н.Г. Тройницкого.

Н.Г. Тройницкий вспоминает:

«Обращаюсь к январской катастрофе 1837 года. В первых числах февраля этого года я возвращался поздним вечером к себе. Я проходил мимо лицея. Навстречу шел один мой знакомый. Он остановился на углу Дерибасовской и Екатерининской улиц и, видимо, поджидал меня, наблюдая, чтобы я не прошел мимо.

Глядя на меня пристально, в упор, он как-то потерянно проговорил:

– А вы ничего не знаете? ... Получено письмо. Пушкин дрался на дуэли, ранен смертельно; пишут, не будет жить.

Я не сказал ничего и пошел дальше. Хотел, казалось, уйти и от слышанной вести, и от самого факта, о котором она вещала. <...> Жду почты с лихорадочным нетерпением. Пришла, наконец! Я в газеты, боже! Что ж это такое? И одна, и другая, и все как одна, категорически, с жестокою ясностью свидетельствуют все об одном, все о том же – о смерти. <...>

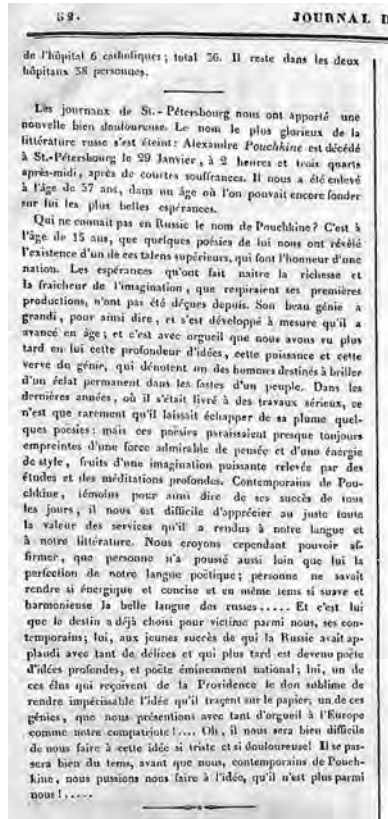
* Все даты в статье даны по старому стилю.

Бегу в типографию, помещавшуюся смежно с полицией, на Преображенской улице, прошу дать мне бумаги, и в таком возбужденном настроении набрасываю статейку для «Вестника».

В этот же день многие одеситы, получив столичную почту, узнали о смерти Пушкина. Писатель Б.М. Маркевич вспоминал, как восприняли это известие воспитанники Ришельевского лицея:

«Войдя однажды в класс, преподаватель Будрин, читавший в Лицее частную риторику, сказал судорожно задрожавшим голосом: «Господа, великое горе постигло Россию – Пушкина не стало!» Весь класс, как один человек, вскочил с лавок. «А-ах!» – стоном кликнуло все. Поэт наш, осьмнадцатилетний Ашик, которому суждено было самому умереть год спустя от чахотки, истерически зарыдал и упал навзничь в обмороке. И затем все кругом громко зарыдало».

Через несколько дней в одесских газетах появились статьи о смерти поэта. Авторами были Александр и Николай Тройницкие. Братья Тройницкие стояли у истоков одесской журналистики. Получив прекрасное образование в Ришельевском лицее, они успешно работали в одесских изданиях: старший по возрасту, Александр Григорьевич Тройницкий, – главным редактором газет «Одесский вестник» и «Journal d'Odessa», а младший

А.Г. Тройницкий. Некрологическая статья о Пушкине на французском языке

из братьев, Николай Григорьевич Тройницкий, известный журналист и писатель, заведовал литературной частью газеты «Одесский вестник».

12 февраля 1837 года Александр Тройницкий поместил в газете «Journal d'Odessa» первую некрологическую статью о Пушкине, написанную на французском языке.

В этот же день М.П. Щербинин, личный секретарь Воронцова, послал Тройницкому записку:

«Почтеннейший Александр Григорьевич! Статья, сегодня помещенная в «Journal d'Odessa» по случаю смерти Пушкина, принята была всеми, а в особенности графиней Воронцовой, с восхищением. Так как, вероятно, она же, т. е. статья сия, будет помещена и в «Одесском вестнике», то я спешу повергнуть перед вами мысль, родившуюся у графини Елизаветы Ксаверьевны, т. е. что большая часть стихотворений Пушкина созданы были в Одессе, во время его здесь пребывания. Мысль сия достойна быть обработанною.

Впрочем, Бог знает, что скажут в Петербурге».

Следующую статью – русский текст некролога Пушкину – написал Николай Тройницкий. Она звучала горячо, искренне:

«...Мы помним его еще цветущим юношею, когда он жил некогда в Одессе.

<...> С раннего возраста прислушивались мы к этим очаровательным песнопениям, к этим незнаемым дотоле оборотам русской речи, к этой неслыханной у нас гармонии языка. С любовью следили мы каждый шаг поэтического поприща его жизни, дорожили его славою, потому что видели в ней нашу собственную славу – славу России. Мы привыкли считать эту славную жизнь неотъемлемым, бессмертным достоянием русской литературы; мы никогда не думали, мы не постигали возможности лишиться нашего незабвенного...

Пушкин! Пушкин! Зачем же так рано, так неожиданно?! И нет преемника тебе, вещий певец нашего времени!»

«Представили статью графу (М.С. Воронцову. – Г. С.), – вспоминает Николай Тройницкий. – Он стал читать ее, читал очень внимательно и дозволил печатать, заметив при этом: «Да уж не много ли тут сказано? Ведь у нас были Державин, Ломоносов...»

CE JOURNAL PARAIT
les Mardis et Vendredis suivants.

1857.

VENDREDI, 15e FÉVRIER.

ON S'ABONNE,
pour la ville
au bureau de l'imprimerie,
pour l'étranger
à tout les bureaux de poste,
à Constantinople
ou au bureau de la correspondance
des provinces de la mer Noire.

50 k. pour la ville,
100 k. pour l'étranger.
PHIX
à Paris, à l'Éclair
pour l'abonnement

NOUVELLES DE L'INTÉRIEUR.

ODESSA, 11 Février.

État de l'autorité de la ville d'Odessa. — Une expérience de cinq ans a prouvé que certaines espèces de pierres en dalles importées de l'étranger à l'instigation de l'autorité, par les bâtimeurs de commerce, ne conviennent point au passage des rivières, soit à cause de leur poids de quatre, soit à cause de leur forme irrégulière, qui exigent de grandes dépenses. Cette dernière cause s'oppose même à l'emploi d'un grand nombre d'antéennes pour les traitures pour lesquels, au reste, il a été trouvé de la bonne pierre dans l'intérieur de l'empire. En conséquence l'autorité de la ville d'Odessa se trouve obligée, à son grand regret, de déléguer aux négociants et aux capitaines, qu'elle ne recevra plus à l'avenir les pierres de Malte et de Rhénanie, qui sont aujourd'hui portées en si grand nombre ici et qui ne pouvant pas y être employées avec avantage lui sont entièrement inutiles. Mais afin que cette mesure ne soit point nuisible aux commerçants d'Odessa, qui ont déjà fait acheter de ces deux espèces de pierres, il est délégué que leur réception continuera aux mêmes conditions que précédemment jusqu'au 1er Juillet 1857. Après ce terme l'autorité ne les acceptera plus à aucun prix.

Cette disposition ne s'étend point sur les dalles de Trieste, qui au prix déjà établi de 45 roubles la saghe cubée continueront à être reçues, ni sur les fers railloins de diverses espèces, pour lesquels il sera payé les 75 rds la saghe cubée. Les autres pierres en dalles qui sont moins connues ici, seront reçues comme celles de Trieste, lorsqu'elles obtiendront les mêmes qualités, en observant pourtant que des dalles trop grandes ne conviennent point pour le passage. Si l'on procure de Trieste des pierres cubées qui n'aient pas plus de 3 roubles de longueur, il sera payé pour elles 70 rds. au, la saghe à condition qu'elles soient toutes de la même grandeur.

Navigaton à vapeur entre les ports de la mer Noire et celle d'Azov. — Une communication par pyrrophares avait été établie en 1853 entre Taganrog, Kerch et les autres ports de la mer d'Azov. Les bâtimeurs à vapeur destinés à ce service, armés l'*Éclair* et perdant un certain temps le *Pierre-le-Grand*, ne parvinrent à rendre des services qu'après avoir été réparés avec près de Taganrog, pour recevoir directement leurs charbonniers, qui devaient au contraire leur être apportés par des barques à une distance de 5 à 8 verstes en mer; il en résulte le nécessité d'avoir un pyrrophare bien plus plat, qui pût approcher beaucoup plus du port de Taganrog ainsi que celui de Mamonoff. En rapport on avait été fait par M. le gouverneur-général de la Nouvelle-Russie et de Bessarabie, M. l'EMPEREUR, a ordonné de construire à Odessa un nouveau pyrrophare pour la mer d'Azov, en y employant, après une réparation nécessaire, le machine du bateau à vapeur l'*Odessa*, ses deux machines pour cause de vétusté. Des mesures furent prises en conséquence par l'autorité, et

le 6 de ce mois on a porté à Odessa la quille d'un nouveau pyrrophare, en présence de M. Leschins, gouverneur de la ville, des membres de la commission des pyrrophares de la Nouvelle-Russie et du constructeur M. Rémy, capitaine des ingénieurs de la marine de la mer Noire. Ce pyrrophare, surmonté le *Météore*, de 155 pieds de longueur, et de la force de 70 chevaux, ne tirera avec son plein chargement que 5 pieds d'eau. Il sera prêt pour le printemps de l'année prochaine et à l'ouverture de la navigation de 1858, il établira des communications régulières entre Taganrog et Kerch; ces communications seront dirigées à partir de ce dernier point vers les autres ports de la Crimée et celui d'Odessa par le pyrrophare le *Pierre-le-Grand*.

Quant à la communication d'Odessa avec tous les ports de la Crimée elle sera renouvelée par les pyrrophares le *Pierre-le-Grand* et l'*Éclair* aussitôt après la construction de la navigation de l'année courante; ils partiront alternativement d'Odessa tous les quinze et feront deux courses régulièrement ainsi que cela a eu lieu l'année passée.

Le 9 de ce mois a eu lieu une assemblée générale des actionnaires de la compagnie des pyrrophares de la mer Noire, à laquelle la direction, conformément à son règlement, a soumis son compte détaillé de sa gestion pendant l'année écoulée. M. Pout ayant rempli les fonctions de directeur pendant trois ans devant partir. Le choix d'un nouveau directeur ayant été mis aux voix, M. Pout a été réélu à l'unanimité.

— La première représentation de *Robert chef de légende*, après coupé par notre jeune comédien M. Leonard Gold, aura lieu le 18 de ce mois. Depuis plusieurs jours toutes les loges du théâtre sont prises, et des personnes qui n'ont pas pu s'en procurer s'en vont déjà louer pour la représentation suivante.

— Nous avons reçu de Constantinople, en date du 21 Janvier la nouvelle, que le peste qui est devenu bien avant commencé à diminuer dans cette capitale, s'étant montré de nouveau avec force à Bosphorokléry. Plusieurs cas de peste y ont été observés dans les dernières jours, et il y en eut un à l'hôtel du ministre de Danemarck. Le 11 de ce mois le peste a même frappé au palais de la mission Impériale de Russie une femme appartenant au service de M. le ministre. La maladie a été immédiatement transférée à l'hôpital des pestiférés, et toutes les mesures nécessaires ont été prises à l'hôtel de la mission Impériale pour purifier les appartements et les effets appartenant aux personnes malades en passant par M. l'Intendant, ministre de Russie, a passé lui-même dans son maison voisine de son hôtel; pour y faire une observation de 18 jours. Deux jours s'étant passés depuis que le premier cas de peste a éclaté à l'hôtel de la mission de Russie, sans qu'il y eut de nouveaux cas d'épidémie, on a tout fait d'espérer que la mission Impériale sera préservée de toute peste cette fois. — Du 1er au 16 de ce mois il est entré à l'hôpital général de Constantinople 16 pestiférés et dans le catalogue 7; total 68. Il est mort à l'hôpital pour 36, au cathédrale, 2, en dehors

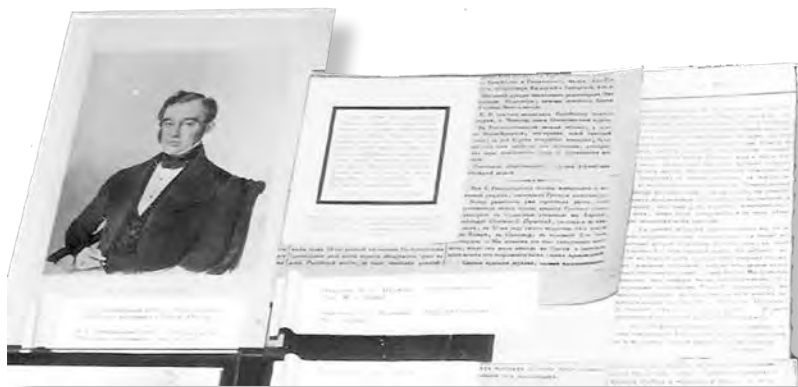
Впрочем, в этот же день (12 февраля) Воронцов напишет в Петербург директору канцелярии министерства внутренних дел М.И. Лексу: «Мы все удивлены и огорчены смертью Пушкина, сделавшего своими дарованиями так много чести нашей литературе. Еще более горестно думать, что несчастья этого не было бы, если бы не замешались в этом деле комеражи, которые вместо того, чтобы успокоить человека, раздражали его и довели до бешенства».

В этом же году М.С. Воронцов посетит вдову Пушкина и выразит свои соболезнования.

На следующий день, 13 февраля 1837 года, в газете «Одесский вестник» будет опубликована вторая некрологическая статья о Пушкине, написанная Н.Г. Троицким. Вместо подписи указано: «Сообщено».

Два одесских некролога Пушкину были первыми, опубликованными в провинциальной печати, а по глубине содержания и искренности могут быть сопоставлены лишь со знаменитым некрологом, написанным В.Ф. Одоевским («Солнце нашей поэзии закатилось...»).

Одесса оплакивала любимого поэта.

Фрагмент экспозиции Одесского литературного музея

Глубину горя, каким были проникнуты одесситы и люди, связанные с Одессой, можно почувствовать по письмам, посланным в февральские дни столичным знакомым.

Поэт В.Г. Тепляков 22 февраля 1837 г. писал В.А. Жуковскому: «Так, нет уже на земле нашего Пушкина. Душа кипит негодованием, и кровью обливается сердце при мысли, каким образом и кем похищена подобная жизнь у гордившегося ею отечества».

Д.М. Княжевич, попечитель Одесского учебного округа, писал С.Т. Аксакову 23 февраля 1837 г.: «Пушкина жаль, очень жаль. А еще более жаль, что почти все наши отличные таланты кончают подобным образом: вспомните о Грибоедове, Рылееве, Батюшкове, Милонове, Озерове и пр. и пр. и пр.».

В Одессе еще долго обсуждали дуэль и смерть Пушкина, и обстоятельства, приведшие к несчастью. Летом 1837 года Н.Н. Равевский при встрече с поэтом В.А. Жуковским в доме писательницы А.П. Зонтаг «много говорил о Пушкине». Из Одессы в столицы продолжали лететь письма друзьям с недоуменными вопросами, с искренним чувством горечи и негодования.

В Одессе в 1845 году поэт Я.П. Полонский, близко знакомый с Л.С. Пушкиным, братом великого поэта, слушал рассказы Льва Сергеевича о том, с каким негодованием Пушкин реагировал на назначение его камер-юнкером: «Брат мой, – говорил он (Л.С. Пушкин. – Г. С.), – впервые услышал о своем камер-юнкерстве на бале у графа Алексея Федоровича Орлова. Это взбесило его до такой степени, что друзья его должны были отвести его в кабинет графа и там всячески успокаивать. Не нахожу удобным повторять здесь всего того, что говорил с пеной у рта разгневанный поэт по поводу его назначения».

Портрет А.С. Пушкина. Художник И. Линеv.
1836-37 гг.

Полонский также вспоминал: «В Одессе в моих руках была тетрадка, где были вписаны все анонимные письма, перед дуэлью полученные Пушкиным».

Живые и искренние отклики одесситов на драматические события 1837 года ярко выразили горячую любовь жителей нашего города к великому русскому поэту, который выдал Одессе «грамоту на бессмертие».

Литература

Де-Рибас А.М. «Ареопаг» о Пушкине // Пушкин: Статьи и материалы. Вып. I. – Одесса, 1925.

Отзывы одесских газет о смерти Пушкина / Сообщил Л.С. М-ч (Мацевич) // Русская старина. – 1887, т. 54, апрель.

Отзывы о Пушкине с юга России / Собрал В.А. Яковлев. – Одесса, 1887.

Бориневич-Бабайцева З.А. Пушкин и одесские альманахи // Пушкин: Статьи и материалы. Вып. II. – Одесса, 1926.

Алексеев-Попов В. Пушкин и литературная жизнь Одессы // О.С. Пушкин в Одесі. – Одеське обласне видавництво, 1949.

Пушкин в неизданной переписке современников (1815-1837) // Литературное наследство. Т. 58. – М., 1952.

Шейман Л.А. Два одесских некролога о Пушкине // Временник Пушкинской комиссии, 1973. – Л.: Наука, 1975.

